

АЛЕКСАНДР ТВАРДОВСКИЙ. ОЧЕРК ЖИЗНИ И ТВОРЧЕСТВА
(страницы из книги)

В годы, когда Твардовский входил в литературу, на проблему новаторства смотрели как на проблему формы. Твардовского не считали новатором, причисляя его к разряду архаистов. В период затяжных споров о поэтическом новаторстве он примером своей поэзии прочно связал представления о подлинном новаторстве прежде всего с новым содержанием, со стихом, который обходится без демонстрации невиданных форм, изысканных и эффектных стихотворных приемов, вечную проблему соотношения новаторства и традиций разумно решил в пользу их гармоничного сочетания.

[...]

Поэты, даже великие, обычно не отличаются терпимостью, ревниво оберегая свою тропу: в рамках одной эпохи тесно было Мицкевичу и Словацкому, Маяковскому и Есенину, отношения их были сложными. Не со всеми умел ладить и Твардовский – как свидетельствуют современники, характер у него был крутой. Но его широта взглядов на русскую поэзию поразительна. О своем преклонении перед талантом выдающихся поэтов старшего поколения – А. Ахматовой, М. Исаковского, с. Маршака – он писал в статьях, письмах. С большим уважением отзывался о Б. Пастернаке, Н. Асееве, Н. Тихонове, В. Инбер, М. Светлове и др. Не разделяя некоторых экспериментаторских увлечений и способов общения с аудиторией поэтов молодой смены – Е. Евтушенко, Р. Рождественского, А. Вознесенского, активно поддерживал их, так как возлагал на них большие надежды. Е. Евтушенко благодарно вспоминает: Твардовский «постоянно печатал меня даже в самые трудные минуты». В ряду тех, кто помогал молодым входить в литературу, Р. Рождественский первым поставил А. Твардовского.

Много сделал Твардовский для того, чтобы вернуть народу наследие выдающихся русских писателей, продолжительное время несправедливо замалчивавшееся. Литературоведу В. Орлову он писал: «Для меня, конечно, нет; вопроса: нужно ли издавать Осипа Мандельштама, безус-

ловно, нужно... То, что такие поэты, как О. Мандельштам, М. Цветаева, Н. Гумилев и Б. Пастернак, у нас долго не издаются, вовсе не полезно, в частности для молодой поэзии...» Он снабдил обстоятельным предисловием девяти томник И. Бунина (М., 1965), опубликовал о писателе большую статью в «Новом мире» (1965, № 7), приветствовал выход в свет «Избранного» М. Цветаевой теплой рецензией в «Новом мире» (1962, № 1). [...]

* * *

С трагического лета 1941 года начался качественно новый этап творчества Твардовского, для него это было время «второго рождения». В 1941–1945 годах он создает много сюжетных и лирических стихотворений, баллад, отмеченных глубиной чувства и возмужавшей мысли («Пускай до последнего часа расплаты...», «Баллада о товарище», «Баллада об отречении», «Партизанам Смоленщины», «Немые», «В поле, ручьями изрытом»). Такой содержательной и художественной силы и такого разнообразия интонаций поэзия его еще не знала. Однако высшие достижения ждали Твардовского не на этом направлении, а в области поэмого жанра. Творческие поиски и обстоятельства фронтовой службы привели поэта к главным его удачам – поэмам «Василий Теркин» и «Дом у дороги».

В последние дни июля 1941 года А. Твардовский с назначением Политуправления Красной Армии следовал в Киев, в штаб Юго-Западного фронта, где ему предстояло работать во фронтовой газете «Красная Армия» в качестве военного писателя. И еще в пути он встретился с горем отступления. Когда поезд остановился на станции Хутор Михайловский, поэт увидел огромное поле, покрытое «лежавшими, сидевшими, копошившимися па нем людьми с узелками, котомками, чемоданами, тележками, детишками». Его поразила стойкость, выдержка попавших в беду людей. Среди них оказалась бежавшая из Минска жена командира Красной Армии. Она не жаловалась па судьбу, наоборот, всем своим видом старалась внушить людям уверенность, решимость не поддаваться панике. «Ничего, ничего, – говорила она с грустной и самоотверженно счастливой улыбкой, – это еще ничего: дети целы, доберусь как-нибудь... Ка-

кие-то еще она говорила слова, в которых была такая самозабвенная готовность все вытерпеть, вынести, не пасть духом и не удручать, не пугать никого своим горем, никому не жаловаться. Как будто в образе этой маленькой матери-беженки первых дней войны дано было увидеть нам все величие женского материнского подвига в этой войне...» Очевидно, это впечатление – одна из крупниц на пути создания «Дома у дороги», поэмы, прославившей женский материнский подвиг в войне.

После непродолжительного пребывания в находившемся на военном положении Киеве Твардовский вместе с Е. Долматовским и Дж. Алтаузенем выехал в Тернополь. Во фронтовой газете «Красная Армия» он работал вместе с большой группой русских и украинских военных писателей и журналистов.

[...] Уже после войны в очерке «Из утраченных записей» он попытался восстановить наиболее яркие, навсегда врезавшиеся в память события. Есть там и взволнованные, проникновенные строки об Украине, ее нетленной красоте: «Было в той книжке записано еще впечатление природной красоты Украины, от самого своего западного края уходящей у нас из-под ног и колес в отступлении. Я ее впервые увидел, если не считать двух-четырёх концов пути в поездах. И увидел в такую медовоцветущую пору – в последние дни июня. Как поразил меня запах в открытом поле, вдалеке от каких-либо садов или пчельников, – густой медовый запах, исподволь сдобренный еще чем-то вроде мяты. Я спросил у товарища, украинца, чем это так пахнет. Оказалось – пшеницей. Это было... на рассвете... Это самый тот час, когда особенно сильно хлеб пахнет медом...»

Под этим впечатлением тогда же, в июльские дни отступлений, Твардовский написал одно из наиболее сильных своих произведений «Тебе, Украина». Очевидно, один из украинских поэтов, работавших с Твардовским во фронтовой газете, взял у автора текст стихотворения для перевода, и впервые оно было опубликовано в Киеве в «Литературной газете» от 18 сентября 1941 г. Болью и гневом, сыновней любовью трепетно напряжены строки этого лирического посвящения, звучащего и как объяснение, и как клятва верности, и как призыв защитить от нашествия республику-сестру:

Как будто я сам в Украине родился
И белую пыль эту с детства топтал,

И речи родимой, и песням учился,
И ласку любимой навеки узнал.
Пусть я иной уроженец и житель,
И травы у нас не такие цветут,
В просторе степей, в созревающем жите
И детство, и все мое милое – тут.

[...]

Андрей Малышко, сблизившийся с Твардовским в тяжелые дни отступлений лета и осени 1941 года, когда им довелось «делиться последним куском хлеба», «греться у солдатских костров» и «укрываться от осеннего ненастья под одной шинелью», свидетельствует, что уже в это время «Василий Теркин» был в работе. «Помню, той же осенью сорок первого, – рассказывает украинский поэт, – мы сошлись как-то в крестьянской хате. Тут были писатели Олекса Десняк, Анатолий Шиян, Сергей Воскрекасенко, Александр Довженко, художник Пустовойт и я. Позже зашел Твардовский... За окнами играла солдатская гармонь. Она так хорошо, так сердечно пела о наших днях, а дни эти были не слишком-то легки... Тут Твардовский сказал: – Вот пишу сейчас “Василия Теркина”. Не знаю, что из этого выйдет. Может, солдатский анекдот... А мне бы хотелось показать такого солдата-жизнелюба, который в трудные минуты, как этот гармонист, согревал людям душу. Прочитай, Андрюша, первую главу, только не смейся, – сказал он с присущей ему скромностью. В тот же вечер я прочитал первую главу поэмы и увидел, что это начало большого лиро-эпического произведения. И когда назавтра он спросил меня: “Ну, как?” – я бросился ему на шею и горячо расцеловал».

В обстоятельном ответе читателям «Как был написан “Василий Теркин”» Твардовский рассказывает, что замыслом «Книги про бойца» он начинает жить еще накануне войны, в 1940 году. Определяющей идеей замысла стало желание увести «Теркина» со столбцов «уголков юмора», «прямых наводок», «совместить доступность, непритязательность формы – прямую предназначенность фельетонного “Теркина” – с серьезностью и, может быть, даже лиризмом содержания». Действительно, уже первые главы «Книги про бойца», появившиеся после публикации во фронтовых периодических изданиях – в центральных многотиражных газетах

«Правда», «Красная звезда», в значительной мере реализовали этот замысел.

Сначала в переосмысленном виде в поэму вошел материал периода работы над фельетонными циклами и стихотворными очерками о героях, затем рамки повествования расширились, приобрели черты масштабной эпической книги о судьбах воина и Родины в годину величайших испытаний. Герой перестал быть условным, обрел характер и значительную обобщающую силу. Василий Теркин с первых своих встреч с читателем и уже навсегда завоевал огромную, беспрецедентную в истории литературы популярность, стал нарицательным образом советского воина, истинно народным художественным типом.

К работе создателя «Василия Теркина» было приковано внимание и фронта, и всей страны. Поток писем и всенародный интерес к судьбе героя явились дополнительными источниками вдохновения. Читатель становился как бы соавтором, помогал поэту советом, требовательным ожиданием продолжения труда. И это обогащало характер героя. Твардовский благодарно писал, что корреспонденты «активнейшим образом участвовали в создании «Теркина», начиная с первой его главы и до завершения книги». Стали поступать письма с сюжетными подсказками, со стихотворными «продолжениями» «Книги про бойца». Фронтовики считали книгу как бы своей, принадлежавшей всему фронту, присылали в редакции армейских газет целые главы с предложением включить их в «Теркина». Часть этих писем была опубликована, и следует сказать, что среди стихотворных «продолжений» были очень интересные, обладающие определенными художественными достоинствами.

* * *

Тесно связан Александр Твардовский – и биографией, и творчеством, и посмертной жизнью своего наследия – с Украиной и украинскими писателями. С полным на то основанием можно сказать о нем: искренний, любящий друг Украины. Он свободно читал по-украински, знал украинские песни и любил петь их, переводил произведения народного творчества, Тараса Шевченко, Ивана Франко, в стихах и прозе восторженно писал об Украине.

Впервые Твардовский побывал на Украине еще в юности. Летом 1928 года начинающие смоленские поэты Александр Твардовский и Сергей Фиксин по командировке областной молодежной газеты совершили поездку «с целью изучения жизни и быта» по маршруту Москва–Брянск–Орел–Курск–Харьков–Симферополь–Севастополь. На пропитание зарабатывали в пути, для чего делали остановки в крупных городах. Сергей Фиксин вспоминал: «Харьков поразил нас своим неоглядным цветником на привокзальной площади. Вдобавок ко всему утро выдалось настолько ясным, теплым, что сразу поверилось в удачу». [...]

С литературой, народной поэзией Украины Твардовский впервые основательно познакомился в 1936–1939 годах, когда стал переводить фольклор и произведения Т. Г. Шевченко. Его переводы, особенно из «Кобзаря», выполнены очень талантливо и, можно сказать, бережно. Не придерживаясь буквы оригинала, стремясь передать дух произведения, переводчик в то же время максимально уважительно относится к созданиям Кобзаря, не позволяет вольностей, которые бы далеко уводили от шевченковского текста. Очень удачно и подлинно самобытно перевел он «Завещание». Известно, что переводилось оно многими русскими поэтами (Ф. Сологубом, И. Белоусовым, Н. Тихоновым, А. Безыменским и др.). В юбилейном шевченковском 1939 году в «Молодой гвардии» «Завещание» опубликовано было в семи переводах. Рядом печатался оригинал, и читатель мог судить, чей перевод лучше. Думается, это соревнование выиграл Твардовский – в пятитомном русском «Собрании сочинений» Тараса Шевченко (М., 1964–1965) «Завещание» печаталось в его переводе. Твардовскому удастся передать вольнолюбивый пафос и поэтическое величие «Завещания», художественную мощь стиха:

Як умру, то поховайте
Мене на могилі,
Серед степу широкого,
На Вкраїні милій.
...Поховайте та вставайте,
Кайдани порвіте
І вражою злою кров'ю
Волю окропіте.

Как умру, похороните
На Украине милой,
Посреди широкой степи
Выройте могилу.
...Схороните и вставайте.
Цепи разорвите,
Злою вражескою кровью
Волю окропите.

І мене в сім'ї великій,
В сім'ї вольній, новій,
Не забудьте пом'янути
Незлим тихим словом.

И меня в семье великой,
В семье вольной, новой,
Не забудьте – помяните
Добрым, тихим словом.